

Опубликовано: Коммерсантъ-Daily No 20 27.2.97

Сорок лет назад умер Марк Алданов. Его историко-философская проза была одним из самых действенных подступов к мировоззренческому преодолению российской катастрофы 1917 года.

Сегодня, когда общение с бывшими соотечественниками сделалось невозбратным и оттого по преимуществу сильно разочаровывающим, мужественная эмигрантская фраза "Мы не в изгнании, мы в послании" звучит нестерпимо ходульно. Но три четверти века назад, при зарождении Русского Зарубежья, смысл фразы был совершенно иным. Она не формулировала те претензии на учительство, которыми преизбыточествует жизнь теперешней эмиграции, но говорила всего лишь о долге, который возложен на чудом уцелевших изгнанников и который, кроме них, больше никому исполнить. Долг заключался в том, чтобы преодолеть революцию.

Когда речь идет о катастрофе геологического масштаба, которой была русская смута XX века, катастрофе, единым махом снесшей с России европейский слой культуры и обратившей ее сперва в Дикое поле, а затем в свирепую азиатскую деспотию, бессмысленно было мечтать о преодолении такого катаклизма посредством игрушечных заговоров, интервенционистских проектов – всего этого усиленного подражания ничему не забывшим и ничему не научившимся Бурбонам. Над земным оружием большевики смеялись, как они посмеялись над Савинковым и Шульгиным, устроив им руками ГПУ спектакли с конспиративными поездками в Россию на встречу с мощными повстанческими организациями. Духовная по преимуществу катастрофа могла быть избыта лишь духовным же усилием побежденных. А значит – покаянной работой русской мысли, ибо никто, как она, не потрудились ради исполнения полуторавековой мечты русского общества – ради падения "чудовищного царизма". Мечта стала явью – "и вот российская корона в февральскую катится грязь", затем во осуществление мечты еще пять лет неслыханного озверения, братоубийства и разрухи.

История сшутила над русским обществом столь мрачную шутку не в последнюю очередь еще и потому, что историческая и тем более историософская направленность мысли не слишком-то одухотворяла русскую культуру. Простой пример: после Пушкина высокая русская проза попросту потеряла интерес к истории – Загоскин, Лажечников и Г. Данилевский как-то не в счет. Напряженное биение художественной мысли было само по себе, ход истории как вечной тяжбы добра и зла – сам по себе.

После 1917 года нужда в исторической прозе не могла не возникнуть уже просто потому, что так пренебрегаемая прежде история сделалась главнейшим персонажем жизненной драмы свидетелей общеевропейской катастрофы. С таким приглашением в русскую литературу явился ученый-химик Марк Ландау, ставший писателем Алдановым.

Казалось бы, коль скоро интерес к истории так властно заявил о себе, а российская история последних десятилетий, так страшно закончившись, представляла собой неисчерпаемый сюжет для беллетриста, естественно было ожидать, что писатель изберет своим предметом как раз эти испепеляющие годы. Случилось иначе. Предфевральские месяцы и гражданская война действительно были описаны в трилогии "Ключ" – "Бегство" – "Пещера", революционные 70-е годы и убийство Александра II – в романе "Истоки", пятнадцатилетняя панорама русской жизни, начиная с 1905 года, – в романе "Самоубийство", но все эти книги пришли позднее. По горячим следам российской катастрофы было написано нечто совершенно другое – тетралогия "Мыслитель" ("9 термидора", "Чертов мост", "Заговор", "Святая Елена, маленький остров"), касающаяся событий 1793–1821 гг. Вроде бы настолько далеко, что уже и не про нас.

Между тем в интеллектуально-философском плане тетралогия оказалась самым злободневным творением Алданова, повествующим о революции как таковой – и о ее преодолении. Преодолении не в действии, но в мысли, в беспрестанных философских диалогах, которые ведет с героями таинственный гражданин с говорящей фамилией Ламор. Гражданин Ламор, хотя и изображен совершенным жидомасоном, в главной и любимой своей мысли чрезвычайно близок к иезуиту Жозефу де Местру – фигуре едва ли не культовой для русской